BRILL
SCHÖNINGH

JOURNAL OF MODERN RUSSIAN HISTORY AND
HISTORIOGRAPHY 15 (2022) 137–158

JOURNAL OF MODERN RUSSIAN HISTORY AND HISTORIOGRAPHY
brill.com/jmrh

Коммеморации столичного университета (1819–1919)

Евгений Анатольевич Ростовцев | ORCID: 0000-0002-5833-448X
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
e.rostovtsev@spbu.ru

Абстракт

Статья рассматривает официальные коммеморации столичного университета – годичные акты – в контексте социальной истории и историографии Санкт-Петербургского университета. Раскрывается механизм влияния коммеморативных практик на формирование основных корпоративных и общественных представлений о ключевых этапах и событиях университетской истории. В тексте показано, как в рамках юбилейных нарративов происходило формирование официальной и либеральной/освободительной версий истории университета.

Ключевые слова

Санкт-Петербургский университет – юбилеи – годовщины – коммеморации – годичные акты – университетские корпорации – историография – социальная память

© BRILL SCHÖNINGH, 2022 | DOI:10.30965/22102388-12340013

Commemorations of St. Petersburg University (1819–1919)

Evgenii Anatol'evich Rostovtsev
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
e.rostovtsev@spbu.ru

Abstract

This article examines official commemorations of St. Petersburg University in the context of the university's social history and historiography. It reveals the mechanism by which commemorative practices influenced fundamental corporative and public representations of key stages and events in university history. The article shows how, within the framework of jubilee narratives, there took shape an official liberal version of the university's history.

Keywords

St. Petersburg University – jubilee celebrations – commemorations – university corporations – historiography of education – social memory

В современных university studies общим местом стало писать о значении университетских коммемораций для формирования корпоративной истории университетов и о зависимости историографии от коммеморативных рамок;[1] отмечается роль университетских коммемораций в процессе формирования социальной памяти общества.[2] Однако механизм

1 Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 20-011-00071). Даты до 14 февраля 1918 г. даны по юлианскому, с 14 февраля – по григорианскому календарю.

2 См., например: *University Jubilees and University History Writing: A challenging relationships*, ed. by P. Dhondt (Leiden, Boston: Brill, 2015). Среди многочисленных статей по российским университетам: С. И. Посохов, "Механизмы саморепрезентации университета: торжественные акты в университетах Российской империи (вт. пол. XVIII – перв. пол. XIX вв.)", *Вісник Чірнівського національного педагогічного університету*, no. 87 (2011), 10–15; Е. А. Вишленкова, "Мемориальная культура российского университета XIX в.", *Мир историка. Историографический сборник* (Омск: Издательство Омского государственного университета, 2011), вып. 7, 81–94; Она же, "Коммеморативная культура российского университета XIX в.", *Пути России, историзация культурного опыта*, под общ. ред. М. Г. Пугачевой и В. П. Жаркова (Москва: НЛО, 2013), 584–598; Е. А. Вишленкова, В. С. Парсамов, "Университетские истории в России: генезис жанров",

формирования коммеморативных нарративов далеко не всегда оказывается проясненным. Нам уже приходилось писать о том, что в условиях т. н. юбилеемании российского общества второй половины XIX–XX вв.[3] дорожной картой революционного движения являлась система революционных коммемораций, активным участником которых было университетское студенчество – революционная интеллигентная молодежь, способная к конструированию эффективных в пропагандистском смысле нарративов и праздничных идеалов. В частности, мы отмечали, что игровое пространство революционной коммеморации в стенах университета, как правило, включало в себя танатологические мотивы – обращение к теме смерти борца за народное дело и памяти о нем (Н. А. Добролюбова, Л. Н. Толстого, Т. Г. Шевченко, Д. Г. Богрова, Е. С. Созонова, севастопольских моряков, М. Ф. Ветровой, жертв Ленского расстрела, Карла Маркса и т. п.).[4] Мы отграничивали их от собственно корпоративных коммемораций разных типов – юбилеев университетских институций, ученых, похорон и некрологов, именных аудиторий и библиотек, съездов и обществ и т. п.[5] В то же время очевидно, что границы между корпоративными и «общественными» воспоминаниями условны и призрачны, равно как и границы между корпоративной и социальной памятью.

В этом контексте в настоящей статье мы сосредоточимся на наиболее важном типе *официальных университетских коммемораций – университетских годовщинах* – как месте пересечения официального дискурса,

---

Вестник Санкт-Петербургского университета культуры и искусства, no. 3 (20) (2014), 164–172; Л. П. Репина, "Юбилейные истории университетов как жанр современной российской историографии", *Диалог со временем* (Москва, 2017), вып. 60, 142–152. О зависимости историографии Санкт-Петербургского университета от практики юбилеев см., например: Т. Н. Жуковская, "Какая история нужна С.-Петербургскому университету?", *Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст*, материалы международной научной конференции, 23–25 июня 2009 г. (Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2010), 463–478; Е. А. Ростовцев, Д. А. Баринов, А. Ф. Кривоноженко, И. В. Сидорчук, "Академическая корпорация столичного университета (1884–1917) в фокусе историографии", *Клио*, no. 7 (67) (2012), 47–62.

3 См., например: К. Н. Цимбаев, "Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX – начала XX вв.", *Вопросы истории*, no. 11 (2005), 98–108; Он же, "Истоки юбилейной культуры императорской России", *Диалог со временем* (Москва, 2019), вып. 67, 70–79.

4 См. подробнее: Е. А. Ростовцев, "Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX – XX вв.", *Клио*, no. 4 (2011), 89–99.

5 См.: Е. А. Ростовцев, *Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть* (*вторая половина XIX – начало XX в.*) (Москва: РОССПЭН, 2017), 323–335.

корпоративных традиций и господствовавших в обществе мировоззренческих установок. В фокусе нашего внимания несколько исследовательских вопросов. Как начинались официальные коммеморации столичного университета Российской империи? Кто был их основным заказчиком? Каковы были общие тенденции их эволюции? Каково было взаимодействие коммемораций и историографических нарративов? Наконец, какое место официальные коммеморации занимали в формировании корпоративной памяти Санкт-Петербургского/Петроградского/Ленинградского университета? Поскольку речь идет о структурировании дискурсов, важных как в корпоративном, так и публичном пространстве, в качестве основных источников нами избраны тексты публичного содержания (материалы университетских актов и периодической печати).

1 Дореформенные коммеморации и формирование нарратива о начале университетской истории

Считается, что центральную роль в формировании коммеморативной культуры российских университетов играли официальные годичные акты. Напомним, что дата основания университета в официальном дискурсе связывалась с решением Александра I, который 8 февраля 1819 г. утвердил доклад министра духовных дел и народного просвещения об учреждении Санкт-Петербургского университета на основе Главного Педагогического института.[6] Само это событие прошло для учебного заведения почти незаметно, хотя 14 февраля по этому поводу состоялась конференция института, которую, вероятно, следует считать первым торжественным университетским актом.[7] Интересно, что до конца 1830-х гг. в Санкт-Петербургском университете годичные акты никак не коррелировали с датой 8 февраля, а были приурочены к окончанию или началу учебного года, хотя и содержали важные коммеморативные элементы, связанные с историей прошлых лет, памятью о давних и недавних университетских достижениях.

6 "Высочайше утвержденный доклад министра духовных дел и народного просвещения «Об учреждении Университета в Санкт-Петербурге» [8 февраля 1819 г.]. Первоначальное образование С. Петербургского университета", *Полное собрание законов Российской империи, Первое собрание*, т. XXXVI, 1819 (Санкт-Петербург: Типография II отделения СЕИВ Канцелярии, 1830), 62–66; "[Конференция Санкт-Петербургского университета, 14 февраля 1819 г.]", *Санкт-Петербургские ведомости*, 18 февраля (1819), no. 14, 141–142.

7 "[Конференция Санкт-Петербургского университета, 14 февраля 1819 г.]".

Первый из таких известных нам актов произошел 28 февраля 1823 г., причем основной темой произнесенной на нем речи и.о. ректора Е. Ф. Зябловского была история учительской семинарии и Педагогического института, наследником которых в ту пору себя ощущал университет.[8] Как известно, после эпидемии холеры 1830 г., во время которой университет закрывался на несколько месяцев, учебный год, традиционно следовавший календарному, был продлен до июня. В результате время начала и окончания учебного года сместилось.[9] В связи с этим обстоятельством и последующие регулярные годичные акты проводились в начале учебного года по новому графику (в августе–октябре).[10] Ситуацию с датой их проведения вновь поменяло торжественное собрание 25 марта 1838 г., когда университет вернулся в здание 12 коллегий.[11] В этом заседании в присутствии министра народного просвещения С. С. Уварова ректор

8 "Торжественный акт Императорского Санкт-Петербургского университета, воспоследовавший 28 февраля сего 1823 года по случаю окончания первого университетского курса", *Северный архив*, no. 5 (1823), 457–460. Автор впоследствии опубликовал эти материалы: Е. Ф. Зябловский, *Историческая повесть об Учительской семинарии и Педагогическом институте до переименования сего в Санкт-Петербургский университет, с присоединением некоторых из предшествовавших учреждений по части народного просвещения* (Санкт-Петербург: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1833).

9 "Об изменении времени окончания академического года в С. Петербургском университете [3 октября 1831]", *Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения* (Санкт-Петербург: Типография имп. Академии наук, 1866), т. 1: 1832–1834, 803–804.

10 См., например: "Краткое обозрение действий и состояния Императорского С. Петербургского университета с его округом, по ученой части за прошлый 1832–1833 академический год, читанное 31 августа 1833 года в торжественном собрании университета ординарным профессором оного Бутырским", *Журнал Министерства народного просвещения* (далее – ЖМНП), no. 1 (1834), 45–60; *Краткое обозрение действий Императорского С.-Петербургского университета и его округа, за прошлый 1833–1834 академический год. Читанное в торжественном университетском собрании 20 сентября 1834 г.* (Санкт-Петербург: Типография вдовы Плюшар с сыном, 1834); "[Торжественное собрание (годичный акт) в Санкт-Петербургском университете, 8 октября 1836 г. Отчет университета за 1835–1836 гг.]", *Санкт-Петербургские ведомости*, 15 октября (1836), no. 235, 1017–1019; "Торжественные университетские собрания. Санкт-Петербургский университет. [4 октября 1835 г.]", *ЖМНП*, no. 11 (1835), 320–321.

11 А. В. [Висковатов], "[О торжественном собрании в Императорском Санкт-Петербургском университете 25 марта 1838 г.]", *Северная пчела*, 30 марта (1838), no. 72, 281; [П. А. Плетнев], "Перемещение университета в Санкт-Петербурге", *Современник*, т. 10 (1838), 1–11; "[Торжественное собрание 25 марта 1838 г. по случаю водворения университета в здании Двенадцати коллегий]", *Санкт-Петербургские ведомости*, 29 марта (1838), no. 70, 309–311.

И. П. Шульгин прочитал пафосный доклад «О начале и постепенном возрастании Императорского Санкт-Петербургского университета».[12] Доклад был противоречивым в том смысле, что, называя датой образования университета 8 февраля, И. П. Шульгин по традиции возводил историю университета к XVIII в., к Петровскому университету, учительской семинарии и Педагогическому институту, чему и посвящено 2/3 текста его речи. Сама же дата 8 февраля рассматривалась как «последнее перерождение» университета в Новейшее время. Этой же позиции придерживались и другие члены университетской корпорации. Например, 28 мая 1838 г. на торжественном собрании университетского совета с речью, посвященной Петру Великому, выступил профессор А. В. Никитенко. Оратор связывал рождение университета в Санкт-Петербурге с именем Петра, который слил «две формы высшего образования в одну», т. е. Академию и университет.[13] Важен тут, однако, не столько нарратив об образовании университета, сколько само перенесение «годичного акта». При этом причина переноса акта была озвучена следующим образом: «С.-Петербургский университет в память открытия своего в новоотделанном для помещения его здания XII Коллегий избрал к совершению торжественных своих Актов на будущее время 25-е число марта, день своего обновления».[14] Иначе говоря, в тот момент эта дата представлялась в истории университета более важной, чем «последнее перерождение» университета 8 февраля 1819 г.

Однако с самого начала полностью воплотить замысел установления новой коммеморации не удалось: дата реального проведения следующего годичного акта – 31 марта 1839 г.[15] Отметим, что при этом повестка дня годичного заседания не менялась, включая в себя обязательный отчет за академический год. Между тем реализовать замысел такого отчета в марте (при окончании учебного года в конце мая – начале июня) было затруднительно. В 1840 г. проблему решили, отчитавшись за четыре года

12 И. П. Шульгин, *О начале и постепенном возрастании Императорского Санкт-Петербургского университета* (Санкт-Петербург: Типография А. Плюшара, 1838).

13 А. Никитенко, *Похвальное слово Петру Великому императору и самодержцу всероссийскому отцу Отечества. Произнесенное в торжественном собрании Императорского Санкт-Петербургского университета 28 мая 1838 г.* (Санкт-Петербург: Типография А. Плюшара, 1838), 9–10.

14 *Краткий отчет о состоянии Императорского С. Петербургского университета за минувший 1837–1838 академический год* (Санкт-Петербург: Типография К. Крайя, 1839), 3.

15 "[О торжественном годичном акте Санкт-Петербургского университета 31 марта 1839]", *Санкт-Петербургские ведомости*, 30 марта (1839), no. 69, 303–304.

сразу (1836–1840).[16] В 1841 г. отчет, читанный ректором П. А. Плетневым, хоть и с опозданием (3 апреля), был заведомо неполон,[17] та же проблема возникла и при составлении отчета 1842 и 1843 гг., доложенных вовремя – 25 марта.[18]

В литературе подробно рассмотрен процесс подготовки 25-летнего юбилея Санкт-Петербургского университета, причем отмечается, что в ходе этой работы в 1843–1844 гг. П. А. Плетнев отошел от первоначальной установки рассмотрения академического и «семинарского» периода истории университета[19] во вполне конкретных целях – подчеркнуть значение юбилея, который стал поводом для высочайших наград, и добиться монаршего согласия именовать университет «николаевским» (последнего достичь организаторам юбилея не удалось).[20] С этим утверждением можно согласиться с той поправкой, что сама идея четвертьвекового юбилея неизбежно провоцировала обращение к событиям 8 февраля 1819 г., а не к более ранним сюжетам. Важно и то, что он послужил поводом к изменению даты ежегодной университетской коммеморации. Технически неудобная дата 25 марта была заменена на 8 февраля. Так или иначе, после 1844 г. университетский акт ежегодно проходил в этот день, и на нем читался годовой отчет не за академический (учебный), а за календарный год. Другое важное последствие юбилейной речи П. А. Плетнева – начало формирования в официальном дискурсе представления о «деле профессоров» 1821 г. как о трагической странице в истории университета, связанной с несправедливым изгнанием из него лучших ученых.[21] Как известно, в «деле профессоров» наследник престола Николай Павлович выступал на стороне гонимых, и после его воцарения попечитель Д. П.

---

16 *Слова и речи, произнесенные на торжественном акте Императорского Санкт-Петербургского университета 25 марта 1840 года* (Санкт-Петербург: Типография К. Крайя, 1841).

17 *Чтения на торжественном акте Императорского С. Петербургского университета 3 апреля 1841 года* (Санкт-Петербург: Типография К. Крайя, 1841).

18 *Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 25 марта 1842 года* (Санкт-Петербург: Типография штаба Военно-учебных заведений, 1842); *Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 25 марта 1843 года* (Санкт-Петербург: Типография штаба Военно-учебных заведений, 1843).

19 П. Плетнев, *Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского Университета* (Санкт-Петербург: Типография Военно-учебных заведений, 1844).

20 Ю. Д. Марголис, Г. А. Тишкин, *Единым вдохновением: Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX в.* (Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2000), 199–202.

21 П. Плетнев, *Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского Университета*, 25–28.

Рунич, бывший одним из основных организаторов дела, был уволен и отдан под суд, дело прекращено, а многие его «жертвы» сделали блестящую государственную карьеру.[22] В качестве ректора П. А. Плетнев выступал регулярным докладчиком на актах с 1841 по 1861 г. Интересно, что в речи на 40-летнем юбилее 1859 г. «доуниверситетский» период истории университета уже вовсе исчез из исторического нарратива, транслируемого ректором.[23]

Материалы всех университетских актов как в «плетневское», так и последующее время вплоть до 1916 г. публиковались отдельными изданиями либо в журналах заседаний университетского совета, а также широко освещались на страницах периодической печати.[24] Университетский акт, как правило, проходил согласно стандартной процедуре, включая в себя обязательные элементы: молебен, отчет (начинавшийся с некрологов), научный доклад/речь, вручение наград, пение «народного гимна». Собирая всю университетскую корпорацию и «сочувствующую» публику, университетский акт становился важным событием жизни города. Как выяснилось после либерализации начала царствования Александра II, эта ситуация таила в себе определенную опасность в те моменты, когда общественная атмосфера накалялась. Отмена по «охранительным» мотивам запланированной актовой речи историка Н. И. Костомарова на акте 1861 г. привела к обратным результатам – студенческим возмущениям, которые нарастали в течение года, приведя к закрытию университета в конце года.[25] Таким образом, официальные коммеморации дореформенного периода, с одной стороны, утвердили в сознании корпорации и общества четкую версию начальной истории университета, с

22 Ср., например: Л. В. Выскочков, *Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX в.* (Москва: Академический проект, 2018), 67, 293–294.

23 *Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1859 года* (Санкт-Петербург: Типография Э. Веймара, 1859), 1–10.

24 См., например: "[Акт в Санкт-Петербургском университете 8 февраля 1854 г.]", *Северная пчела*, 13 февраля (1854), no. 36, 143; "[Годичный акт в Санкт-Петербургском императорском университете 8 февраля 1857 г.]", *Санкт-Петербургские ведомости*, 10 февраля (1857), no. 34, 158; "[Акт в Санкт-Петербургском императорском университете 8 февраля 1858 г.]", *Там же*, 12 февраля (1858), no. 33, 178; "Торжественный акт Императорского С. Петербургского университета", *ЖМНП*, ч. 101 (1859), 80–81 отд. паг.

25 См., например: Н. Г. Сладкевич, "Петербургский университет и общественное движение в России в начале 60-х годов XIX века", *Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук* (Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета, 1948), 109–120.

другой стороны – сформировали отношение к университетским годовщинам как к социально значимым событиям жизни не только «университетского мира», но и столицы империи. Традиция актов 8 февраля формально сохранялась до конца императорского периода (и бóльшую часть советского времени – 21 февраля по новому стилю), хотя часто сам публичный акт, на котором должен был читаться отчет, и отменялся из-за опасения студенческих беспорядков. Учитывая юбилейный характер университетской историографии XIX–XX вв., эта дата прочно утвердилась как в научном, так и официальном дискурсе и корпоративной памяти. Ее мучительный пересмотр начался в научных дискуссиях 80-х гг. прошлого века, которые продолжаются и по сей день.[26]

2 Пореформенные юбилеи и обозначение основных вех университетской истории

После введения в действие нового университетского устава и открытия университета в 1863 г. устоявшаяся структура годичных актов в целом сохранялась, но в первые годы они временно отошли от даты 8 февраля. Причиной было то обстоятельство, что при составлении отчетов администрация отказалась от календарного принципа в пользу академического, охватывающего соответствующий учебный год.[27] Однако с 1868 г., в преддверии предстоящего пятидесятилетнего юбилея, университет вновь вернулся к старой коммеморативной традиции.[28] После возобновления университета установилась и еще одна новая практика: текущие отчеты составлялись, как правило, не ректором, а одним из университетских профессоров. Юбилей 1869 г. стал заметным событием не только в истории университета, но и в российской общественной жизни.[29]

26 Н. М. Кропачев, А. Х. Даудов, И. Л. Тихонов, Е. А. Ростовцев, "Первый университет Российской империи", *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История*, т. 64 (2019), no. 1, 5–23.

27 *Годичный торжественный акт в Императорском С.-Петербургском университете, бывший 26 сентября 1865 года* (Санкт-Петербург: Печатня В. Головина, 1866); *Годичный торжественный акт в Императорском С.-Петербургском университете, бывший 2 декабря 1866 года* (Санкт-Петербург: Печатня В. Головина, 1867).

28 *Годичный торжественный акт в Императорском С.-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1868 года* (Санкт-Петербург: Печатня В. Головина, 1869).

29 *Юбилейный акт Императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1869 года* (Санкт-Петербург: Печатня В. И. Головина, 1869). См. подробное описание этого юбилея в литературе (И. Л. Тихонов, "Служение науке, образованию и прогрессу. Из истории университетских юбилеев", *Санкт-Петербургский университет*, no.

По заказу университетского совета профессором В. В. Григорьевым к этой дате была подготовлена обширная записка «Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования», вышедшая затем отдельной книгой.[30] «Извлечения» из этой записки также были оглашены на торжественном акте. Текст В. В. Григорьева, который на многие годы стал одним из основных справочных изданий по истории университета, является в то же время и основой официального историографического нарратива его истории. Показательно, что В. В. Григорьев, опираясь на недавние изыскания другого университетского профессора, М. И. Сухомлинова,[31] значительно развил версию о «деле профессоров» как о «руничевском погроме», опустошившем университет.[32] В то же время относительно более позднего времени автор скорее выступал как консерватор и «охранитель». В этой связи он тут же был подвергнут весьма резкой критике со стороны либеральной печати, которая критиковала его за места, не отвечавшие уже прочно сформированным к 1860-м гг. представлениям российского общества, – как за частности (например, за положительную характеристику «реакционера» О. И. Сенковского),[33] так и за общее направление, игнорировавшее социальный контекст, связанный с влиянием на университет «реакции» и общественной ролью его профессоров, с известными событиями его недавней истории (закрытие университета в 1861 г.).

2–3 (2009)), мемуарных зарисовках современников (А. В. Никитенко, *Дневник:* в 3 т., подгот. текста, вступ. статья и примеч. И. Я. Айзенштока (Москва; Ленинград: Гослитиздат, ЛО, 1956), т. 3: 1866–1877, 142–144; Ф. И. Успенский, "Петербургский университет в 1867–1871 гг. (по воспоминаниям студента)", *Дела и дни*, кн. 1 (1920), 163–174) и текущей периодике эпохи ("[Юбилей Санкт-Петербургского университета 1869 г.]", *Вестник Европы*, кн. 3 (1869), 455–458; "Внутренние известия. Столичная хроника. [Юбилейные торжества Санкт-Петербургского университета]", *Весть*, 9 февраля (1869), no. 40, 2; "Петербургская хроника [7 февраля 1869 г. в Санкт-Петербургском университете]", *Голос*, 8 (20) февраля (1869), no. 39, 2; "Петербургская хроника [Юбилейные торжества Санкт-Петербургского университета]", *Там же*, 25 февраля (9 марта) (1869), no. 56, 1; "Празднование пятидесятилетнего юбилея Императорского С.-Петербургского университета", *ЖМНП*, no. 2 (1869), 189–217 отд. паг.; "Пятидесятилетний юбилей Императорского С.-Петербургского Университета", *Всемирная иллюстрация*, 26 февраля (1869), no. 9, 134–139 и др.).

30 В. В. Григорьев, *Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования* (Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и К°, 1870).

31 См.: М. И. Сухомлинов, *Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I* (Санкт-Петербург: Б.и, 1866), 1–2.

32 В. В. Григорьев, *Императорский Санкт-Петербургский университет*, 33–47.

33 "Петербургская хроника [Юбилейные торжества Санкт-Петербургского университета]", *Голос*, 25 февраля (9 марта) (1869), no. 56, 1.

Особого критического пафоса была исполнена обширная рецензия В. Д. Спасовича, бывшего университетского профессора, ставшего к концу 1860-х гг. известным «прогрессивным» адвокатом. В. Д. Спасович четко обозначил основные проблемные моменты текста В. В. Григорьева с точки зрения либерального дискурса: отсутствие адекватной негативной оценки устава 1835 г., непроясненность внутренних причин «университетских катастроф» 1821, 1849–1850 и 1861 гг. (виновником которых по логике мастерски построенного изложения В. Д. Спасовича, естественно, выступала, хотя и не называлась напрямую, самодержавная власть).[34] Таким образом, юбилей явился поводом для формирования как «охранительной», так и «освободительной» версии университетской истории.

Начиная со второй половины 1870-х гг. к формальной части «университетского праздника» добавлялась и неформальная часть – студенческие балы/вечера/чаепития. Эта традиция, учрежденная в юбилейный 1869 г., первоначально ограничивалась официальным благотворительным обедом выпускников.[35] Однако очень быстро основными обедающими сделались студенты университета,[36] и действо стало приобретать масштаб ежегодного праздника петербургской интеллигентской молодежи. В условиях нарастающей политизации студенчества 1870-х гг. на такие «балы» (которые все чаще стали именоваться «чаепитиями» и «вечерами») приглашались «прогрессивные деятели», недостаточно общественно активные кандидатуры студентами отвергались. Характерен в этом отношении фельетон, в котором описывалось одно из таких обсуждений, связанное с приглашениями на бал, приуроченный к 60-летнему юбилею университета: «Кому посылать [билеты на бал]? Началось предложение и баллотировка. Из литературных деятелей решили послать билеты таким журналистам, как гг. Гамме-Градовскому, Песковскому, Кривенко и прочим. <…> – Краевскому? – кто-то предложил. Слабые аплодисменты и слабое шикание. Не посылать! – Суворину? Единогласное шикание и хохот. Та же участь постигла и г. Мордовцева. Г. Полетику, за

34 В. Д. Спасович, “Пятидесятилетие Петербургского университета”, *Вестник Европы*, no. 4 (1870), 765–779; no. 5, 312–345.

35 “Записка по Комитету распорядителей ежегодных обедов, устраиваемых в день основания Императорского С.-Петербургского университета за 1870 год”, *Отчет о действиях Комитета распорядителей ежегодных обедов, устраиваемых в день основания Императорского С.-Петербургского университета за 1870 год* (Санкт-Петербург: Б.и., 1871), 1–6; “[Университетский акт 14 февраля 1871 года]”, *Петербургская газета*, 16 февраля (1871), no. 23, 2; *Отчет о действиях комитета распорядителей ежегодных обедов, устраиваемых в день основания И. СПБ. университета, за 1871* (Санкт-Петербург: Типография Г. Шредер, 1872).

36 “Студенческий вечер”, *Петербургская газета*, 12 февраля (1872), no. 23, 3.

все его усердие в либерализме, не предложили даже к баллотировке. Зато решили послать приглашения Салтыкову, Елисееву, Н. Михайловскому, Гайдебурову, Коршу, Гирсу и Раппу. – Гончарову? – следует опять предложение. – Мало пишет, ленив! – Раздается оппозиция: Однако он написал… Начинается оценка литературных заслуг Гончарова, но билет не посылается».[37]

Таким образом, годичный акт все более и более воспринимается как повод для формулирования гражданской позиции. Нет ничего удивительного в том, что в условиях общественного напряжения акт 8 февраля 1881 г. превратился в революционную демонстрацию, организованную студентами, связанными с «Народной волей», которая имела огромный резонанс в обществе и в памяти универсантов.[38] С этого момента и до конца дореволюционной эпохи каждая годовщина воспринималась властями как повод для беспокойства.[39] Оппозиционный дух университетской молодежи в этот период активно подпитывался не только революционными организациями, но и либеральными преподавателями. Настроения «прогрессивной» петербургской профессуры и доцентуры 1890-х гг. ярко проявлялись в т. н. чаепитиях, организуемых студенчеством по поводу годовщины 8 февраля, в которых участвовали и приглашенные преподаватели (Н. А. Меншуткин, И. М. Гревс, Н. И. Кареев, П. Ф. Лесгафт, В. Г. Яроцкий, М. И. Туган-Барановский, В. В. Бартольд и др.), и «прогрессивные» общественные и литературные деятели (Н. В. и В. В. Водовозовы, М. М. Филиппов, С. Н. Южаков, В. П. Воронцов, К. К. Арсеньев и др.).[40] Яркую картину таких чаепитий рисуют воспоминания одного из их

37 "Ежедневная беседа [о студенческом бале в связи с университетской годовщиной]", *Там же*, 8 февраля (1879), no. 27, 1.

38 См., например: И. С. Аксаков, "По поводу беспорядков в Петербургском университете [Русь. 20 февраля 1881 г.]", *Полное собрание сочинений* (Москва: Тип. М. Г. Волчанинова, 1887), т. VII: Статьи разного содержания, 589–593; Н. Г. Кушков, "На акте 8 февраля 1881 года (Из истории студенческих волнений)", *Вестник Ленинградского государственного университета*, no. 3 (1946), 112–117.

39 См. подробнее: Е. А. Ростовцев, *Столичный университет Российской империи…*

40 См., например: Министр внутренних дел – Санкт-Петербургскому градоначальнику, 15 марта 1893 г. № 49, конфиденциально, Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 733, оп. 150, д. 957, л. 8. О чаепитиях есть многочисленные воспоминания см.: М. М. Могилянский, "В девяностые годы", *Былое*, no. 23 (1924), 140–161; no. 24, 97–139; Н. И. Кареев, *Прожитое и пережитое* (Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета, 1990), 194–195; Н. О. Лосский, *Воспоминания. Жизнь и философский путь*, mit einem Vorwort und Anmerkungen hrsg. von B. N. Lossky (Munchen: Fink, 1968); Е. А. Дьяконова, "Дневник", Lib.ru: «Классика» (http://az.lib.ru/d/dxjakonowa_e_a/text_0020.shtml (date accessed: April 15, 2022)) и др.

участников – в 90-е гг. студента юридического факультета М. А. Сильвина. Вот что, например, он сообщает о годовщине 1896 г.: «Празднование годовщины происходило трояко: утром торжественное заседание в университете, вечером, с одной стороны, пьянство и дебоши огромной массы студенчества, будущих чиновников-карьеристов, маменькиных сынков, шалопаев и просто “добрых малых”; с другой стороны, традиционное “чаепитие” радикального студенчества. Для “чаепития” (кроме чая, других напитков на этой вечеринке не предполагалось) снимался большой зал, иной раз целый ресторан или общественная кухмистерская (столовая), куда вход был по платным билетам, распределявшимся среди товарищей членами полулегальной студенческой кассы взаимопомощи, которые обыкновенно и организовывали “чаепитие”. В передней дежурил околоточный (младший полицейский офицер) и для него покупался коньяк; он вел себя тише воды, ниже травы и в зал не показывался; вероятно, и без него у полиции здесь было достаточно “своих” людей. На вечеринку приглашались маститые литераторы и уважаемые профессора оппозиционного правительству образа мыслей. Произносились речи, если не вполне политические, то, во всяком случае, “тенденциозного” содержания, программные речи студентов разных политических толков и направлений, народников, либералов, марксистов. За ними выступали писатели и профессора, отмечавшие теневые стороны университетской жизни и общие тяжелые условия страны, цензурный гнет, полицейские стеснения и т. д. Говорили, конечно, осторожно, с оглядкой, бичуя современный режим больше путем метафор и сравнений, но все же получалось впечатление как бы политического собрания или банкета, возбуждающе действующего на молодежь, недавно покинувшую провинцию. <…> На меня лично эти чаепития, по крайней мере в первые годы моей университетской жизни, производили сильное впечатление. Но мы, подпольщики, здесь не выступали, считая, что не стоит рисковать и терять работников, нужных для иной аудитории».[41] Важно здесь и то обстоятельство, что «прогрессивные» профессора искренне гордились приглашениями на подобные мероприятия и, следовательно, старались не обмануть ожиданий.[42]

41 М. А. Сильвин, “На революционной работе”, *Ленинградский университет в воспоминаниях современников*: в 3-х т., под ред. В. В. Мавродина (Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1982), т. 2: Петербургский – Ленинградский университет. 1895–1917, 25–26.

42 Показательны в этом контексте воспоминания Н. И. Кареева (Н. И. Кареев, *Прожитое и пережитое*, 194–195).

Эта ситуация действительно приводит к возникновению в 1880–1890-е гг. как бы параллельных традиций неформального празднования годовщины. Наряду с революционными и полуреволюционными сходками и чаепитиями продолжались и полуофициальные обеды выпускников,[43] которые внешне следовали в ряду «легальных торжеств», однако и по публике, и по речам иногда не особенно расходились с чаепитиями. Заметным событием в жизни столицы стал 75-летний юбилей университета, который, впрочем, праздновался и далеко за пределами Петербурга.[44] Официальная историография благодаря юбилею пополнилась словарем профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета за третью четверть его существования, т. е. за 25 лет, прошедших с момента выхода книги В. В. Григорьева.[45] Одновременно в юбилейных статьях в периодической печати (особенное значение имели тексты отставного профессора Санкт-Петербургского университета В. И. Модестова) фиксируются основные вехи университетской истории и дискурсы, важные для образа университета в общественном сознании. Александровское просвещение, образование университета, «разгром» университета («дело профессоров» 1821 г.), возрождение университета в период министерства С. С. Уварова (новое поколение профессоров, прошедших школу европейских университетов, новые требования к профессорам по уставу 1835 г.), гонения на университеты в период позднего

43 См., например, ежегодную хронику «Петербургской газеты»: “Торжественный акт”, *Петербургская газета*, 9 февраля (1886), no. 39, 2; “Обед бывших студентов”, *Там же*; “68-я годовщина С.-Петербургского университета”, *Там же*, 9 февраля (1887), no. 39, 2; “Обед бывших студентов”, *Там же*; “Акт в Императорском университете”, *Там же*, 9 февраля (1889), no. 39, 2; “8 февраля у бывших студентов”, *Там же*, 3; “Акт в университете”, *Там же*, 9 февраля (1890), no. 39, 2; “Студенческий обед”, *Там же*; “Акт в университете”, *Там же*, 9 февраля (1891), no. 39, 2; “Фельетон «Петербургской газеты». Среди товарищей [Обед бывших студентов Санкт-Петербургского университета в честь университетской годовщины 8 февраля 1891 г.]”, *Там же*, 10 февраля (1891), no. 40, 1; “Университетский акт”, *Там же*, 9 февраля (1892), no. 39, 3; “Обед бывших студентов Императорского Санкт-Петербургского университета”, *Там же*; “Акт в Петербургском университете”, *Там же*, 9 февраля (1893), no. 38, 2; “Обед бывших студентов”, *Там же*, и др.

44 См., например: *Празднование семидесятипятилетия Императорского С.-Петербургского университета 8-го февраля 1894 года в Тифлисе* (Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской части на Кавказе, 1894).

45 *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского Университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894* (Санкт-Петербург: Типография и литография Б. М. Вольфа, 1896), т. 1: А–Л; (Санкт-Петербург: Типография и литография Б. М. Вольфа, 1898), т. 2: М–Я.

николаевского царствования, возрождение и кризис начала 1860-х гг., прогрессивный устав 1863 г., обеспечивший подъем университета, и реакционный устав 1884 г.[46] – эти «установленные исторические вехи» впоследствии станут базовыми и для историографии. Интересно, что не вписывающиеся в этот дискурс страницы юбилейной статьи В. И. Модестова, критически по отношению к революционному студенчеству описывающие события 1887 г. («дело Ульянова», которое также, несомненно, стало вехой в конструкции университетской истории), редакция либерального «Северного вестника» первоначально «вырезала» из текста и опубликовала только после публичного протеста автора.[47]

Юбилей 1899 г. ознаменовался, пожалуй, самыми масштабными беспорядками за историю всех университетских годовщин и в этом контексте нашел соответствующее отражение в источниках (в том числе мемуарного характера) и историографии, став сам по себе важной вехой университетской истории.[48] В памяти университантов разных поколений, разумеется, остался не сам юбилей, а его революционные проявления и последствия.[49] Ситуация повторилась и на следующий год.[50] После 1900 и до 1917 г., как правило, все публичные празднования годовщин

46 "Семидесятипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета", *Петербургская газета*, 8 февраля (1894), no. 38, 2; В. Модестов, "Санкт-Петербургский Университет. Статья первая", *Северный вестник*, no. 1 (1894), 50–74; Он же, "Санкт-Петербургский Университет. Статья вторая", *Там же*, no. 2 (1894), 55–66.

47 [В. Модестов], "Конец статьи проф. В. Модестова «С.-Петербургский университет»", *Северный вестник*, no. 4 (1894), 138–144.

48 Г. Энгель, В. Горохов, *Из истории студенческого движения 1899–1906* (Санкт-Петербург: В. К. Сердаковский, [1906]); *Доклад П. С. Ванновского о студенческих беспорядках 1899 года* (Санкт-Петербург: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1906); Н. И. Иорданский, "Миссия П. С. Ванновского (Из воспоминаний о студ. движении 1899 г.)", *Былое*, no. 9 (1907), 83–131; Р. Ш. Ганелин, "Петербургский университет и правительственная политика (из истории студенческого движения)", *Очерки по истории Ленинградского университета* (Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1989), вып. 6, 112–135; А. П. Шевырев, "Праздники непослушания: студенческие беспорядки в городском пространстве Петербурга в 1861–1905 гг.", *Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст*, материалы международной научной конференции, 23–25 июня 2009 г., отв. ред. А. Ю. Дворниченко, И. Л. Тихонов (Санкт-Петербург: Издательский дом СПБГУ, 2010), 151–152.

49 См., например: А. Ф. Керенский, *Россия на историческом повороте*, пер. с англ. Г. Шахова (Москва: Республика, 1993), 17–18; Б. В. Никольский, *Дневник. 1896–1918*, изд. подгот. Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2015), т. 1: 1896–1903, 271–273; С. Г. Струмилин, "Новые веяния", *Избранные произведения. Воспоминания и публицистика* (Москва: Наука, 1968), 41–48.

50 Б. В. Никольский, *Дневник. 1896–1918*, 355–357.

отменялись (ограничивались церковным молебном) из-за опасения новых студенческих волнений. Как заявил в 1902 г. совет университета, «почва для протеста в форме непозволительного бесчинства на акте вполне подготовлена. Совет, призванный оберегать университет как храм науки от осквернения, считает себя нравственно обязанным всеми силами отклонить грозящую опасность такого осквернения <...> Мы имеем дело с грозным явлением: нарождением новой традиции. Бесчинства на актах Петербургского университета как безобразнейшая форма политического протеста обращаются в традицию. Университет скорее готов навсегда отказаться от празднования дня своего основания, чем поддерживать эту ужасную традицию».[51] Действительно, все 1900-е и первую половину 1910-х гг. университет находился в центре революционного брожения интеллигентной молодежи, забастовки и сходки происходили по любому поводу. В этих условиях администрация годичных актов не устраивала, хотя университетские отчеты по-прежнему содержали все необходимые элементы: помимо самого отчета, речи профессоров, которые произносились на других заседаниях совета (или не произносились вовсе), сообщения о наградах, которые публично не вручались. Даже юбилейный 1909 г. корпорация предпочла провести без праздника.[52] В эпоху министра народного просвещения Л. А. Кассо, вступившего в конфликт с университетом,[53] подобные отмены стали предметом перепалки администрации университета и министерства.[54]

Патриотический подъем Первой мировой войны вроде бы поменял ситуацию в университете. Но теперь проведению акта мешали уже мобилизационные условия военного времени. Так, в 1915 г. был отменен не только торжественный акт (в актовом зале был устроен лазарет), но и ежегодный благотворительный и официальный товарищеский обед выпускников, который с 1900-х гг. традиционно устраивался в построенной в 1902 г. студенческой столовой, поскольку последняя также была

51 Попечитель С.-Петербургского учебного округа – министру народного просвещения, 5 февраля 1902 г., № 1611. По поводу устройства торжественного собрания университета 8-го февраля 1902 года, РГИА, ф. 733, оп. 151, д. 292, л. 219–219 об.

52 "Протокол заседания Совета имп. Санкт-Петербургского университета, 26 января 1909 г.", *Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1910 г.* (Санкт-Петербург: Типография Б. М. Вольфа, 1910), no. 65, 1–2.

53 См., например: Е. А. Ростовцев, И. В. Сидорчук, "Миф о Кассо", *Вестник Томского государственного университета. История*, no. 57 (2019), 14–22.

54 См., например: "Об отмене акта в спб. университете", *Речь*, 2 (15) июля (1914), no. 177 (2846), 5.

переоборудована под госпиталь.[55] Ситуация повторилась и в 1916[56] и 1917 гг.,[57] за исключением того обстоятельства, что торжественные обеды все же проводились, но уже не в столовой, а в городских ресторанах.[58]

Таким образом, как ни парадоксально, официальные годичные акты и юбилейные тексты, публиковавшиеся в периодический печати в пореформенное время, объективно формировали образ университета как центра науки и просвещения, жившего и развивавшегося вопреки удушающему режиму. В этом смысле особый интерес представляет последний юбилей еще старого, не реформированного университета в новую послереволюционную эпоху.

3 Юбилейное перемирие

С 1910 г. в университете активно шла подготовка к празднованию его столетия.[59] В мае 1914 г. была сформирована целая программа предстоящих к юбилею научных работ,[60] планы которых впоследствии расширялись и корректировались.[61] Идея празднования юбилея в эпоху министерства П. Н. Игнатьева была подхвачена на государственном уровне. 30 апреля 1915 г. образуется Особая комиссия для разработки плана по возведению новых зданий Петроградского университета во

55 "Годовщина основания университета", *Биржевые ведомости*, Утренний выпуск, 9 (22) февраля (1915), no. 14660, 4; "В университете [годовщина основания]", *День*, 9 февраля (1915), no. 38, 3.

56 "[Университетская годовщина. Приветствие Петроградскому университету]", *Новое время*, 9 (22) февраля (1916), no. 14340, 5; "В университете [отмена годичного акта]", *Вечернее время*, 8 февраля (1916), no. 1384, 3.

57 "В университете", *День*, 7 февраля (1917), no. 36, 4; "[Городская жизнь]", *Ведомости Петроградского Градоначальства*, 10 февраля (1917), no. 33, 2; "Gaudeamus", *Петроградский листок*, 8 (21) февраля (1917), no. 38, 2.

58 "Восьмое февраля в университете", *День*, 9 февраля (1917), no. 38, 3; "Праздник Петроградского университета", *Новая Петроградская газета*, 9 февраля (1917), no. 39, 54; "Праздник университета", *Вечернее время*, 8 февраля (1917), no. 1746, 3.

59 О подготовке предстоящего в 1919 году празднования 100-го существования СПБ университета, Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПБ), ф. 14, оп. 1, д. 10427.

60 "Протокол заседания Совета имп. Санкт-Петербургского университета, 19 мая 1914 г.", *Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г.* (Петроград: Типография Б. М. Вольфа, 1916), no. 70, 41–43.

61 "Протокол заседания Совета имп. Петроградского университета, 23 мая 1916 г.", Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1916 г., ЦГИА СПБ, ф. 14, оп. 1, д. 11367, л. 26–36 об.

главе с графом А. А. Бобринским.[62] Комиссия пришла к выводу о необходимости возведения нового университетского комплекса на территории т. н. Нового Адмиралтейства; университетский городок планировалось возвести в рекордные сроки – к университетскому юбилею 1919 г.[63] Надо отметить, что бóльшая часть задуманного не осуществилась. Проект создания кампуса был отложен (его реализация относится уже к 140-летнему и 150-летнему юбилеям).[64] Не осуществилась и бóльшая часть запланированных научно-издательских проектов, в том числе написание истории университета и масштабного биографического словаря, а материалы работ юбилейной комиссии оказались рассеяны по разным архивам.[65] И все же, несмотря на все испытания, которые выпали на долю Петроградского университета в годы революции и Гражданской войны,[66] юбилей 1919 г. не только имел огромный общественный резонанс,[67] но и оказал значительное влияние на последующую историографию.

---

62 Министр народного просвещения – Попечителю Петроградского учебного округа, 9 мая 1915 г., № 21479, РГИА, ф. 733, оп. 156, д. 236, л. 21–21 об.

63 Председатель Высочайше утвержденной комиссии по сооружению новых зданий Императорского Петроградского университета – Министру народного просвещения, 12 июня 1915 г., № 1, РГИА, ф. 733, оп. 156, д. 236, л. 17–19 об.

64 См., например: И. Н. Половцев, "Университетский комплекс в Петродворце – детище академика архитектуры Игоря Фомина", *Вестник гражданских инженеров*, no. 5 (40) (2013), 52–57.

65 ЦГИА СПБ, ф. 14, оп. 1, д. 10427; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. 7240, оп. 14, д. 32–44.

66 См.: А. В. Шилов, "Из истории Петроградского университета: судьбы ученых в послеоктябрьский период", *Петербургские чтения – 1997* (Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 1997), 254–257; P. Konecny, *Builders and Deserters: Students, State and Community in Leningrad, 1917–1941* (Montreal: McGill-Queen's University Press, 1999); А. Ф. Кривоноженко, *Межинституциональные коммуникации в сфере высшего образования в 1917–1922 гг. на материалах Петроградского университета* (Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2015); Е. А. Ростовцев, И. В. Сидорчук, "Изгнанники «советского» университета: опыт коллективного портрета преподавательской эмиграции Петрограда", *Вестник СПБГУ. Серия 2*, no. 1 (2016), 64–75, и др.

67 Р. А. Казакевич, С. З. Мандель, "К истории столетнего юбилея университета", *Очерки по истории Ленинградского университета* (Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1968), т. 2, 159–166. Из любопытных источников личного происхождения см.: Н. Н. Платонова, *Дневник (1889–1921)*, отв. ред. Е. А. Ростовцев, П. А. Трибунский, рук. проекта А. Н. Цамутали (Рязань: П. А. Трибунский, 2020), 399–401; С. Э. Фриш, *Сквозь призму времени* (Санкт-Петербург: Соло, 2009), 42–43; Т. А. Фаворская, *Фаворские. Жизнь семьи университетского профессора. 1890–1953. Воспоминания* (Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2019), 347.

Новая власть воспользовалась этой коммеморацией, чтобы продемонстрировать свою заботу о культурном и научном наследии. Символичным было уже то обстоятельство, что юбилейные торжества впервые проводились по новому стилю, введенному большевистским декретом, – 21 февраля. К моменту юбилея университет более года находился в положении перманентного противостояния советским властям, коих первоначально (в октябре 1917 г.) охарактеризовал как «насильников». Будучи целиком зависимой от режима в условиях террора и распределительной системы военного коммунизма, университетская корпорация вынуждена была идти на уступки, принимая новые правила, навязываемые властью (поступления в университет, выборов преподавателей и т. п.). Тем не менее университетской профессуре к этому времени удавалось сохранить почти в неприкосновенности старую систему самоуправления и преподавания, и она всячески препятствовала вмешательству новой власти в эти сферы университетской жизни.[68] Юбилей 1919 г. в таких условиях, с одной стороны, стал для университетской администрации во главе с ректором А. А. Ивановым поводом для подтверждения корпоративной идентичности в условиях враждебного социального окружения. С другой стороны, и представители режима пытались использовать его в своих целях как для «завоевания» доверия нужных пока «буржуазных» специалистов, так и в пропагандистских видах. Таким образом, «юбилей» стал временем своеобразного, пусть и недолгого, «перемирия» университета и власти.[69]

21 февраля на торжественное заседание в университет явился нарком просвещения. Как сообщала газета «Северная коммуна», А. В. Луначарский «от имени рабоче-крестьянского правительства поздравил присутствующих с днем 100-летней годовщины университета». Далее нарком сформулировал свое видение сложившейся ситуации в отношениях власти и науки и объявил «вежливый ультиматум» старому университету: «Народ относится с уважением к науке, хранит ее, а равно и данный университет как ценность. Но из этого не следует, чтобы университет по-прежнему оставался чем-то самодовлеющим, оторванным от народа. Он должен раскрыться перед массами и приблизиться к ним. Между науками и массами может быть лишь два состояния – или состояние полного слияния,

68 См., например: А. Ф. Кривоноженко, “Реформа гуманитарного образования в Петроградском университете в первые годы советской власти”, *Carelica. Научный электронный журнал*, no. 1 (13) (2015), 25–37.

69 См. подробнее: Е. А. Ростовцев, “Санкт-Петербургский университет в советской историографии и коммеморативных практиках (1919–1939)”, *Вече: ежегодник русской философии и культуры*, [no. 33] (Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2021), 174–189.

взаимный сплоченности, или же состояние недоразумений, которые наблюдаются теперь под влиянием тяжелых условий момента».[70] Иначе говоря, старый университет с его научными достижениями как бы присваивался режимом, а подчинение корпорации новому порядку рассматривалось как императив. При этом, судя по речам представителей университета и воспоминаниям современников, корпорация еще сохраняла известную независимость по отношению к властям,[71] хотя «страх» перед репрессивным режимом уже начинал сказываться на обыденном поведении, в том числе и на самом акте. Можно привести в этой связи заметку из дневника Н. Н. Платоновой (жены историка С. Ф. Платонова, профессора университета). По традиции на университетский юбилей был приглашен и усажен в первый ряд митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин. Между тем в новых исторических условиях к нему «никто не подходил», пока «С. Ф., сидя среди профессоров на эстраде, сначала издали раскланялся с митрополитом, лично его знающим, а потом, увидев, что около него никого нет, прошел к нему, поздоровался, принял благословление и немного поговорил, а потом вернулся на свое место и не видел, что было дальше. [Н. М.] Каринский пришел на юбилей позже, и ему рассказали, что все обратили внимание на поступок С. Ф-ча и что только после него стали подходить к митрополиту и другие – хороши эти другие!»[72] 23 февраля университету разрешили продолжить праздник в Александринском театре с заранее утвержденной программой – стихами А. С. Пушкина (где подобающая случаю «Вакхическая песнь» соседствовала с идеологически правильной одой «Вольность»).[73] Характерно, что в рамках этой политики «присвоения университета» Наркомпрос не только позволил отметить юбилей, но и выделил деньги на издание подготовленных к 100-летней годовщине материалов по университетской истории.[74] Впрочем, эти материалы преимущественно охватывали период до 1835 г. и с еще большей настойчивостью подчеркивали два

70 "100-летняя годовщина Петроградского университета", *Северная коммуна*, 23 февраля (1919), no. 43 (236), 2.

71 В. М. Шимкевич, "Роль С.-Петербургского университета в развитии точных наук. Речь, произнесенная на торжественном заседании (8) 21 февраля 1919 года по случаю столетия университета", *Естествознание в школе*, no. 3–4 (1919), 65–76.

72 См.: Н. Н. Платонова, *Дневник (1889–1921)*, 401.

73 "100-летие Петербургского университета", *Петроградская правда*, 21 февраля (1919), no. 41, 4.

74 *С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819–1919: Материалы по истории С.-Петербургского университета*, собр. и изд. И. Л. Маяковский и А. С. Николаев; под ред. С. В. Рождественского (Петроград: 2-я Государственная типография, 1919).

важных тезиса, выработанных предшествующими коммеморациями, – о том, что университет в Санкт-Петербурге возник 8 февраля 1819 г. и не имеет никакого отношения к «академическому университету», и о том, что «дело профессоров» являлось «разгромом» университета, организованным реакционным режимом.[75] Интересно, что в прессе, издававшейся по другую сторону фронта Гражданской войны, также указывалось на значение университета как центра науки и просвещения, страдавшего от полицейского режима, начиная с «дела профессоров» и заканчивая «декретами Луначарского».[76] В заключение нужно отметить, что и после окончания Гражданской войны значение университетских коммемораций с точки зрения «корпоративной памяти» и «историографии университета» не упало, хотя их роль и транслируемые в их рамках концепты, связанные с историей университета, значительно поменялись. Важно при этом, что большинство установок и оценок, закрепившихся в общественном сознании благодаря коммеморативным практикам дореволюционного периода, активно использовалось и в советское время.[77]

• • •

Таким образом, краткий обзор официальных университетских коммемораций XIX – начала XX в. позволяет сделать несколько существенных наблюдений об их роли в жизни университета и формировании представлений о нем в общественном сознании. Нельзя не отметить, что формально-бюрократическая цель университетских актов – отчетная – по мере усиления корпоративного характера университетской жизни все более приобретала коммеморативный характер. Если первоначальным «заказчиком» актов и являлась правительственная бюрократия, то со временем они приобретают самостоятельную ценность для корпоративной идентичности. Корпоративная потребность связать саму дату акта с важным событием истории университета четко определилась уже в конце 1830-х гг. Неудобство избранной даты (25 марта) в сочетании с прагматическими видами администрации П. А. Плетнева предопределило переориентацию проведения годичных актов на юбилейную дату 8 февраля, которая ранее воспринималась в корпоративной памяти и

75 *Там же*.

76 См., например: И. Н., “Столетний юбилей”, *Сибирская жизнь*, 21 февраля ([Томск], 1919), no. 35, 1.

77 См.: Е. А. Ростовцев, “Санкт-Петербургский университет в советской историографии и коммеморативных практиках (1919–1939)”, 174–189.

историографическом дискурсе скорее как очередное «перерождение университета». В ходе коммеморативных практик первой половины XIX в. формируется устойчивая система представлений о переломных событиях университетской истории на рубеже 1810–1820-х гг. – создании «уваровского» университета и «деле профессоров» как его разгроме.

Годы «великих реформ» внесли решительные перемены в статус официальных коммемораций. Во-первых, они приобрели общественное значение, став фактом социально-политической жизни, в том числе т. н. освободительного движения. Во-вторых, они стали важным фактором конструирования идеологически различных версий университетской истории – официальной и либеральной. Учитывая господство либеральных идей в общественно-политическом мировоззрении столичной профессуры, именно либеральная/освободительная версия становится основной для корпоративного сознания и историографических нарративов о Санкт-Петербургском университете. Каждый следующий юбилей в этом контексте обогащал ее новыми «ключевыми» событиями, в числе которых, как ни парадоксально, были и сами «университетские годовщины», становящиеся как важными датами истории освободительного/революционного движения, так и историческими событиями в социальной истории самого университета.